

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Марией Викторовной Михайловой
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Россия

Дата: 23 июля 2016

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Мария Викторовна Михайлова училась на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, где в 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 2000 – докторскую. В настоящее время она профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова. Основное направление ее научной деятельности – женское литературное творчество, женская критика и женская драматургия Серебряного века, восстановление «забытых» женских имен в литературе этого времени.

Гендерными исследованиями и творчеством русских писательниц М.В. Михайлова заинтересовалась еще в начале 1990-х годов. Была членом редакционной коллегии созданного при ее участии первого в России феминистского литературного журнала «Преображение» (организованного на базе женского клуба «Преображение»), постоянным автором которого она была долгие годы. В то время она читала лекции в гендерных школах, участвовала в совместных с западными учеными проектах. Благодаря ее активности и влюбленности в профессию студенты-филологи главного университета страны могут слушать специальные курсы «Писательницы Серебряного века», «Гендерный аспект в творчестве писателей Серебряного века», «Женская драматургия на сломе эпох: Серебряный век и современность».

Связь с женским движением в РФ в последние 15 лет поддерживает, ведя экспертную работу, а опосредованно – занимаясь редактированием и подготовкой нового поколения гендерологов-литературоведов (под ее руководством защищены 14 кандидатских и 1 докторская диссертация, в том числе первая в России кандидатская диссертация по современной женской прозе). Под ее руководством пишутся курсовые и дипломные работы по женскому литературному творчеству.

М.В. Михайлова автор около 500 научных трудов (из них 4 монографии), более половины из них посвящены гендерной проблематике в литературоведении. М.В. Михайлова - действительный член Российской академии естественных наук, член Союза писателей Москвы, Профессионального женского консультативного совета American Biographical Institute, лауреат и дипломант множества конкурсов, носительница звания «Лучший филолог года» (в 1996 г.).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Мария Викторовна Михайлова, профессор филологического факультета...

Мария Викторовна: Заслуженный профессор МГУ имени Ломоносова теперь.

Н.Л.: Заслуженный профессор МГУ имени Ломоносова, филологический факультет. Мария Викторовна, расскажите, пожалуйста, прежде всего, кратко просто о Вашем жизненном пути, о Вашей биографии, и как в этой биографии научной оказалась тема, связанная с женской литературой.

М.В.: У меня довольно сложная биография в том плане, что я не сразу пришла в филологию, не сразу пришла в литературоведение. Я окончила медицинское училище, меня туда мама отправила после седьмого класса, потому что видимо ей хотелось все-таки, чтобы я исполнила какую-то ее мечту, хотя семья моя была все-таки ориентирована на литературу. У меня в семье и бабушка, и мама были библиотекарями, причем директорами крупных библиотек. Бабушка – директор библиотеки Чехова в Москве, в пятидесятые годы, мама – заместитель директора библиотеки Некрасова, но, тем не менее, я вот седьмого... после 7 класса пришла в медицинское училище, отучилась там три года и, поскольку я всегда была очень дисциплинированной девочкой и всегда была отличницей – и это, по-моему, ужасно, – но, тем не менее, я закончила с красным дипломом. Но тут я правильно какую-то вещь сделала, а именно: я поняла, что надо идти работать. Хотя я с красным дипломом могла сразу пойти сразу поступать в медицинский вуз. Но я как-то поняла, что мне надо работать. И я пошла работать, и там я поняла, что буду плакать над каждым больным, что они будут утопать в слезах, потому что медицина и тогда, вот в эти шестидесятые годы, была далеко не в удовлетворительном состоянии. Проблем было много. И, надо сказать, что я до сих пор помню всех тех больных, за которыми я ухаживала и которых я как-то поднимала, и тогда я поняла, что мне лучше плакать над героями книг. И я поняла, что мне надо идти, конечно, на филфак. И там я найду вот применение своей чувствительности и своей эмоциональности, и своей дисциплинированности тоже. Потому что читать любила, причем читать любила не просто книги, а литературоведческие книги. Мне всегда больше всего было интересно, как другие думают о том, что они прочитали. Я поступила на филфак, что тоже было трудно, потому что мне надо было до этого экстерном сдать экзамены за 11 классов, я сдала 25 экзаменов. Там было черчение, там была астрономия, все-все-все, что можно, получила тоже очень хорошие, все сдала на пятерки и поступала на филфак. В те годы поступить было невероятно трудно, просто это... я вспоминаю эту толпу, которая шла к филфаку писать сочинение, это была просто толпа абитуриентов. По-моему что-то человек 40-50 было на место. Это такая традиционная была система. Причем, опять же в отличие от системы последующих лет, я поступала с улицы. У меня не было ни знакомых, ни поддержки. Я позанималась, правда, английским – у меня слабеньким всегда был английский – я позанималась с педагогом английским. Сочинение готовила сама, устный готовила сама, и написала сочинение на пятерку. Это было чудо. У меня в

жизни было два события, при которых у меня подкосились ноги. Я просто знаю, что такое, когда подкашиваются ноги. Это тебя как будто ударяют под коленками, и они у тебя как бы ломаются под тобой. Первый раз, когда мне достали сапоги. Это были первые сапоги в Москве. А второй раз, когда они мне вынесли.

Н.Л.: Почему были первые сапоги в Москве.

М.В.: А не было до этого сапог. Это были первые импортные сапоги, партия, которая была – сейчас скажу – 1963 г. Это были первые сапоги, они были французские – как сейчас помню, с тремя пуговками сбоку. Это вообще было что-то. Когда мне по телефону сказали, что мне их достали, у меня вот подкосились ноги. И в первый раз, значит, в 17 лет, второй раз – в 18, когда мне вынесли экзаменационный лист, где там было две пятерки – за сочинение и за устный. За сочинение пятерок практически не ставили. А вот. Но я тогда поняла, что это конечно я поступаю, потому что оставалась история, оставался язык, но все-таки как-то это было так. Я начала учиться на филфаке, училась, как всегда, очень хорошо, была Лермонтовской стипендианткой, у меня была повышенная стипендия – по тем временам, 600 рублей. Это много. Это я была просто богатая девушка. Сказать, что меня тогда наука очень увлекала, я все-таки не могу. Я скорее училась так, потому что мне было все интересно. Мне интересно было читать – я имею в виду литературоведение, потому что с русским языком как-то меня это в большей степени оставляло равнодушным, потому что механистичность языковой структуры, ну, меня не трогала, а литературоведение все-таки – огромное поле деятельности.

Н.Л.: Это шестидесятые годы?

М.В.: Это – я сейчас скажу - я поступила в 1964 г., в 1969 г. я завершила.

Н.Л.: А в это время, в шестидесятые годы, в Советском Союзе слышал ли кто-нибудь слово такое «феминизм»?

М.В.: Вы знаете, я думаю, что я не слышала. Хотя довольно много было переводной литературы, это была такая серия – «Зарубежный роман XX века». И в нем довольно много было романов, которые сейчас уже полузабыты, но, тем не менее, надо сказать, хорошие, где женщина все равно проявляла какую-то самостоятельность, она сопротивлялась какой-то обыденности, тогда у нас появилась Эльза Триоле с ее замечательными романами «Нейлоновый век» и «Розы в кредит». Надо сказать, что меня всегда интересовали писательницы-женщины, это правда, потому что у меня всегда была какая-то...

Н.Л.: Даже тогда в университете?

М.В.: Да. Да. Вы знаете, это изначально. Дело в том, что это связано с семьей, у меня очень тяжелая судьба у матери и у бабушки. Дед репрессирован в 37 г., очень большой военачальник. Бабушка – красавица невероятная, я, наверное, потом покажу. Я сейчас публикую ее воспоминания вот в журнале, и люди,

которые эти воспоминания читают, говорят, что это что-то невероятное. Она писала их уже в семидесятые годы, и тогда...

Н.Л.: Вот она была заведующей библиотекой.

М.В.: Да, она была заведующей. Вот ее уже поздняя фотография, это я, она со мной. Я об этом еще просто скажу. Вот. Судьба такой, я бы сказала, уникальной женщины, потому что она до старости сохранила безумный интерес к жизни. Это, вы знаете, это самая большая, я думаю вообще, редкость в человечестве – уметь сохранить до конца дней вот этот живой интерес. Она собирала, например, все, что связано с убийством Кеннеди. Это ее так потрясло. У нее были все вырезки, все книжечки, которые тогда выходили. И с 1937 г., она за один год, чтобы спасти свою дочь, она должна была поменять, за один год, 19 квартир. Она заметала следы, по всей Москве. Потом когда-то уже с мамой я, мы сели в машину, в такси, и мама повезла меня по тем адресам, которые она помнила – конечно, тоже не все. И дальше – безумно трудовая жизнь. Безумно трудовая жизнь, в которой не было никакого другого мужа, где была только работа и вот воспитание дочери, а потом воспитание мое. Я, надо сказать...

Н.Л.: Что за это воспитание, вот это женское получается?

М.В.: Вы знаете, тут еще такой момент – я незаконнорожденная. Папа на моей маме никогда не женился. Но папа меня усыновил – так же, как и моего брата. Это тоже травматический момент в семье, в которой...

Н.Л.: Он был женат?

М.В.: Он был женат. Он был очень большим ученым, он был дважды Лауреат Сталинской премии, он – основоположник русского железобетона, поэтому, вот там во дворе у меня строится дом и я вижу, как папины, так сказать, конструкции – это называется «напряженно-армированный железобетон». Он создатель этого железобетона, первый во Франции был Фресинэ, а папа – второй. В общем, он – очень большой ученый. И, конечно, он боялся, боялся, что это повлияет на его карьеру. И он боялся еще другого – он боялся, конечно, характера матери, который испортился от этого. От всей этой ситуации. Потому что в 1946 г. ходить брюхатой, извините меня, без мужа – это ж страшное дело!

Мы жили в такой квартире, которая называется «коридорная система». Десять комнат, все соседки заглядывают во все кастрюльки, меня называли подзаборницей, потому что все знали, что мама родила без отца. Хотя – без мужа. Хотя папа никогда не бросил, это надо сказать. Он очень порядочный, очень достойный человек, уговорил свою жену, чтобы нас усыновили, дали нам фамилию, и всю жизнь помогал.

Н.Л.: У него не было детей?

М.В.: Были, были. Был старший сын, который старше меня на десять, по-моему, лет. Больше, нет, больше. На двадцать лет. Нет, там все... Весь этот роман с мамой произошел, когда его жена была в эвакуации. Это была война, папа маму соблазнил картошкой жареной, как известно, да.... Голодное время. А поскольку у

него были тогда возможности, то картошка жареная сыграла большую роль. Так что эти женские судьбы, очень неудавшиеся, очень такие нескладные – мать моя, такая невероятная красавица. Тоже где-то, вот моя. Маме 19 лет... И вот ее тоже портрет. Невероятная, я помню, такая красива, что, когда мы шли как-то по бульвару, люди просто останавливались. Вот останавливались и смотрели ей вслед. Это меня как-то с самого начала всегда задевало, я об этом как-то очень много думала. Мне всегда казалось положение женщины очень травматическим изначально. Неважно там, женат... женились, не женились – что-то меня задевало. И поэтому я писательниц особенно привечала, еще в...

Н.Л.: В юности.

М.В.: В юности. Хотя специалистом я стала по Бунину. Я, да, я написала свое дипломное сочинение по Бунину. Хотя тут тоже нужно сказать...

Н.Л.: Это кандидатское было по Бунину?

М.В.: Нет, про кандидатскую скажу отдельно и про докторскую скажу отдельно. Я писала о Бунине, исходя из его последних вот «Темных аллея». А там, вы тоже помните, это – главное – страсть, главное – любовь, главное – несоединимость этих людей, то есть, опять же, все равно у Бунина я увидела этот травматический, драматический и трагедийный контекст, при котором никогда ничего не получается. И женщина всегда остается в каком-то чудовищном положении, которое я и там пыталась выразить, хотя у меня тема была чисто литературоведческая, «Философско-эстетические принципы творчества Бунина». Но все равно, так или иначе, это затрагивалось. Меня порекомендовали сразу в аспирантуру, потому что у меня был очень хороший диплом. Но тут надо сказать, что все равно это произошло благодаря во многом моему шефу. Это был декан факультета...

Н.Л.: Были женщины-преподаватели в это время?

М.В.: Да, были женщины-преподаватели. Конечно, очень много – филология все-таки во многом – женская наука.

Н.Л.: Даже в те годы, в шестидесятые?

М.В.: Ну, всегда, всегда. Всегда девочек больше, и поэтому мальчики у нас на факультете были просто наперечет. И они могли выбирать самых – а, поскольку это факультет очень красивый, и филфаковские девочки очень красивые, – поэтому для мальчиков это всегда было. Мальчиков было процентов, наверное, ну, двадцать, не больше. Сейчас еще меньше. Хотя, тем не менее, преподавателей было равное количество. Мужчин было тоже много. То есть, в науку все равно шли мужчины. И, конечно, благодаря вот Алексею Георгиевичу Соколову, который меня очень приветил, как-то очень поощрял меня – даже подозреваю, что он испытывал ко мне очень такие нежные чувства – но никогда не проявил это никоим образом, не зафиксировал ничего, очень всегда был достойный и т.д., – я поступила в аспирантуру. Там у меня появилась совсем другая тема, тема по критике. Я вообще... поскольку критика для меня – тоже такой вот очень

интересующий меня аспект, мне всегда, повторяю, интересно посмотреть, как можно оценить, с каких точек зрения одно и то же явление. А это, по-моему, самое привлекательное, потому что один и тот же материал, в зависимости от методологии, в зависимости от подхода, в зависимости от методики – у тебя получается просто иной результат. Я написала диссертацию по литературной критике Серебряного века. Это были проблемы там реализма, модернизма и т.д. И меня тогда оставили на факультете. Я не сразу защитилась, я вовремя не успела, защитилась через два года и начала преподавать.

Н.Л.: А можно было в это время продолжать женскую тему?

М.В.: Вы знаете, это даже в голову мне не приходило. Вот я Вам просто расскажу. Тут... тут уже такой момент. Я где-то впрямую стала этим заниматься, когда я поняла, что – и уже начала преподавать ту же самую критику, литературу Серебряного века – я просто обратила внимание, что нет женских имен. Катастрофически.

Н.Л.: Это в какие годы?

М.В.: Я начала преподавать в семидесятые годы, и в литературе было только, соответственно, поэтессы две, это Ахматова и Цветаева. Ни одного прозаика – понимаете, совершенно пустое, пустое место. Гиппиус тогда еще не могла звучать, потому что, даже вот делала я хрестоматию – я тогда не могла упомянуть, просто упомянуть имя Гумилева.

Н.Л.: Хорошо, а из советской литературы – там же были Берггольц там, и еще?

М.В.: Да, была Берггольц с «Дневными звездами», но тоже, Вы знаете, все-таки... была Панова с «Мальчиком Сережей». Соответственно, но все равно... Была Кетлинская. Была...

Н.Л.: Какие-то имена все-таки были, но считались второго ряда?

М.В.: Были. Нет, они не считались второго ряда. Но они как-то не фиксировались как женские имена.

Н.Л.: Как появляется интерес именно к женскому голосу в литературе и желание заниматься, вообще в нашем литературоведении, в семидесятые?

М.В.: Я как раз говорю тогда - нет, это, наверное, даже в какой-то степени позже, когда я уже вошла и я открыла для себя просто одного очень интересного критика, который вообще не зафиксирован. Такая была Колтановская Елена – и я вдруг начинаю понимать, что вообще критиков-женщин было огромное количество. Они вообще нигде не фигурируют. Я начала заниматься этой Колтановской, это тоже были уже где-то восьмидесятые годы. И я, помимо всего прочего, заметила, что нигде они не разбираются как... как фигуры, которые имеют особый, свой взгляд даже на какие-то явления. И тут я опять же заметила, – это правда уже восьмидесятые, скорее ближе к девяностым годам, – что многие из них писали о женщинах. Их тоже интересовал, что называется, женский текст,

женский голос, женский дискурс. И, вот опять же, эта Колтановская, что было очень интересно, у нее была такая трудная судьба, она очень интенсивно работала в Серебряном веке, а потом оказалась абсолютно вытеснена в двадцатые годы, пыталась вернуться в советский этот, значит, начала переписываться с Сейфуллиной, но ничего не получилось, умерла в 52 г., совершенно непонятно, где архив, где что. Где-то на Украине умерла. Так что все оказывалось вот с этими женскими судьбами, если только они не были, как Галина Серебрякова, которая написала про Маркса и про Женни Маркс, хотя надо сказать, что тоже достаточно трагическая судьба потому что...

Н.Л.: И Зоя Воскресенская, которая писала про Ленина.

М.В.: Да, но у Серебряковой там еще были и родственники репрессированы, да. Я знала ее двоюродную сестру, за которой пришли репрессировать родителей, у нее после этого прекратился рост, она стала карлицей. Это ее была двоюродная сестра. Она маленькая такая. Работала у мамы, кстати, библиотекарем. Рита Бек такая. Серебрякова же еврейка. Поэтому тоже... Понимаете, там все надо было очень тщательно выстраивать, свою...

Н.Л.: А как отнеслись на факультете и вообще вот в научном сообществе к тому, что кто-то хочет заниматься именно женщинами в литературе?

М.В.: Я могу, значит, сказать, что было очень трудно. В начале я еще не... это было когда можно было что-то начать делать, это были уже все-таки девяностые годы. Это все-таки было уже перестройки время и, самое главное, что я до этого переключилась на литературный марксизм. У меня второе есть, как бы очень важное, как я считаю, направление – это изучение критики марксистской ориентации, чем никто вообще у нас не занимается. И я себя называю последней троцкистской вообще, потому что я только Троцким, впервые вообще написала о нем в своей докторской, и многих, многих. То есть я показала, что это не четыре человека – Ленин, Плеханов, Луначарский и Воровский – а это огромное множество людей, где, кстати, очень много женщин. Где важна Засулич, где важна Фигнер, и марксизм во многом мне очень помог сориентироваться тоже на вот этот женский...

Н.Л.: Коллонтай.

М.В.: Да, Коллонтай, конечно – на женский этакой ракурс. Потому что, во-первых – почему пошли в марксизм женщины? Как самые униженные – евреи и женщины. Вот кто составлял почву марксизма, я не говорю там о крупнейших фигурах, но они все, была такая Ида Аксельрод, была Любовь Аксельрод, были очень крупные женщины, серьезные, и это меня тоже как-то очень сподвигло на то, что, опять же, этим надо заниматься. Но в девяностые годы я еще не осмеливалась на факультете заявить об этом, потому что я попробовала, и это было воспринято очень негативно.

Н.Л.: Попробовала на это это в какие годы?

М.В.: Это девяностые даже уже, когда я попробовала там.

Н.Л.: А к этому времени уже была информация о западном литературоведении, о гендерных исследованиях?

М.В.: Вы знаете, тогда еще не было. На факультете у нас практически ничего не было. Я – я это начинала первая, потому что мы тогда, в девяностые годы, начали журнал «Преображение». Вот это первая была...

Н.Л.: Про этот журнал можно еще немножко...

М.В.: Да. Это очень важный, я считаю, прорыв, вообще считаю, что это такое величайшее было...

Н.Л.: Акция.

М.В.: Да, действие, которое, благодаря Нине Габрелян, благодаря Диане Медман, которая сумела, как женщина в бизнесе, дать деньги. Эти шесть номеров журнала, которые сумели только выйти только, – там же был заголовок «Феминистский журнал» - сначала издавался «феминистический», потом поправили все-таки, «феминистский».

Н.Л.: В каком году первый номер?

М.В.: 1993 г. – первый номер, и тогда уже я начала ездить по совместным проектам на Запад, на западные конференции.

Н.Л.: В начале девяностых.

М.В.: Это все-таки начало девяностых. Потому что до этого ведь у нас был этот журнал «Мария», но это все были подпольные журналы. Понимаете, тут тоже нужно учитывать, что все боялись слова «диссидентство» еще. Даже в перестройке.

Н.Л.: А феминизма боялись? У него был такой «bad image»?

М.В.: Да, все-таки, понимаете, вот этот такой, когда я принесла, например, в подарок – это все еще в девяностые годы. я была тогда очень наивный такой человек, еще очень молодой все равно - принесла своему декану – у нас декан женщина, с тех пор...

Н.Л.: Это Рютина?

М.В.: Нет, это Марина Леонтьевна Ремнева.

Н.Л.: Ах, Ремнева.

М.В.: Да. И я принесла ей этот журнал... Там написано «феминистский журнал» – потому что это меня так переполняла гордость, что я в этом журнале, что я там пишу про женщин, что я восстанавливаю судьбы, что мы пишем про феминизм... И я увидела ее какую-то такую немножко снисходительную и немножко, может, даже какое-то... ну, в общем такую- полунегативную, полуснисходительную, и вообще такую пренебрежительную реакцию.

То есть у нас это, как вот сегодня сказал бы студент, – не катит. Это и в те девяностые годы я была даже белой вороной, потому что я все время говорила, что женскую литературу надо изучать самостоятельно. Это не значит, что она хорошая, а там какая-то плохая. Что он у нас не есть разговор о качестве, потому что даже в среднем тексте можно обнаружить какие-то такие интенции, такие интересные включения, которые будут говорить об очень-очень многом, потому что это будет свой язык, свое виденье, передача своего опыта и т.д. Но все-таки я все время оставалась одна, хотя уже с девяностых годов я заявила спецкурс «Женщины-писательницы». «Женщины-писательницы». Да, я его читаю в течение уже двадцати лет, причем в разных аспектах: женщины-писательницы, гендерный аспект в женской литературе (потому что женская литература может быть еще и не под гендерным «соусом»). Она, может быть, просто в разных, так сказать.

И тогда у меня возникло... Очень многое мне дал этот, кстати, клуб «Преображение», в котором мы тоже существовали, вот эти феминистские клубы, которые тоже тогда начинали быть. Это не было вот это женское движение, но это были женщины, которые собирались под уже другим знаменем. Под знаменем феминизма. Уже тогда разговор о феминизме мог идти. Но все-таки в университете, понимаете, все равно мужчины, когда ты начинаешь говорить на кафедре – начинают ежиться. Понимаете, все равно – вот как они ежились тогда, тогда они ежились робко, а сейчас они могут ежиться как угодно. То есть, вот я считаю, что в плане мужчины у нас очень мало что изменилось. Может быть, среди молодежи в большей степени.

Я имею в виду среднее и старшее поколение, которое все-таки относится к этим явлениям и относилось тогда... Хотя я им рассказывала, что феминизм может быть левый, крайний там, гуманистический, такой, такой, сякой – все это им рассказывала, но для них это все равно было или «вы не любите мужчин». Но по мне было трудно сказать, что я не люблю мужчин, потому что я принимала ухаживания, я одевалась так это... Но у всех было ощущение какое-то странное. А когда я объявила спецкурс, то никто не возражал, я продолжала его читать.

Н.Л.: Это какой год?

М.В.: Это была середина девяностых. Середина девяностых...

Н.Л.: А чувствовалось, что, может быть, какая-то поддержка с Запада? Или это было абсолютно не связано с западными деньгами, с грантами, с Соросом?

М.В.: Нет, у меня не было никакого. У меня единственное, что было, – были совместные проекты. Особенно с Фрайбургом, особенно с Шоре, тогда это было очень интенсивно.

Н.Л.: Это конец девяностых.

М.В.: Это конец девяностых, девяносто шестой и т.д. Были совместные конференции, которые, надо сказать, мне очень много дали. Вот тогда, когда я

поехала на Запад, я поняла, что мы существуем вообще в каком-то таком вакууме, в такой какой-то лакуне, где уже давно-давно разбираются гендерные подходы не только к женским текстам, но и к мужским текстам, что гендеристика вообще существует как целое такое направление, которое может очень много давать. Что они уже прошли этап реабилитации имен, они занимаются уже другими составляющими. Это меня очень обогатило, мне было это очень интересно, и тогда как раз стали появляться наши уже гендерные центры.

В Иваново появился серьезный центр. Конечно, очень много дал центр в Харькове. Вот это Жеребкина, Ира Жеребкина, которая была таким инициатором.

Н.Л.: Это Жеребкина с Украины?

М.В.: Да, это... Вообще-то я думаю, одним из сильнейших был проектов вот этот журнал «Гендерные исследования», который она начала издавать. И там она давала большое место, отводила литературе, литературе, она меня печатала – все, что я предлагала. И наконец, в 2000 г. у меня появилась аспирантка, которой я дала тему «Женская литература». Это была вообще первая в России диссертация по женской литературе. Это была Ровенская, Таня Ровенская. Она писала по современной женской литературе.

Н.Л.: Она уехала на Запад?

М.В.: Нет, нет, к сожалению, она ушла в бизнес-проекты, она сейчас довольно крупный деятель в сфере устройства, такой имиджмейкер вот этих давосских встреч. То есть все. И надо сказать, что я, конечно, очень жалею, потому что она была очень способная. В первой части ее диссертации как раз были все, от Люси Ирригарей и далее, был весь западный феминизм, она все это расшифровала и, надо сказать, она успешно защитила.

Н.Л.: Какой это год?

М.В.: Это в 2001 г. Вот хотя это было тоже уже... Ну, это разрешили, но это уже не вызвало какого-то такого восторга, как... это вызвало, например, восторг, скорее, в женском сообществе. Вот среди тех, кто занимался, это было просто откровение: вся ее диссертация, анализ текста под этим углом зрения. Это было очень... В университете дальше я продолжаю все время эту линию. Сейчас это становится...

Н.Л.: Сколько лет уже так?

М.В.: Уже почти 30. Почти 30.

Н.Л.: И есть какие-то подвижки...

М.В.: Наоборот! Я думаю, что наоборот. Вы знаете, мне кажется, что вот сейчас, последние, наверное, лет восемь, с этим все более и более сложно. То есть, ты... в научном плане, конечно, я все время даю диссертации и темы диссертаций – но помимо других, конечно – о женских именах. У меня защищена диссертация, первая в России диссертация о Берберовой, у меня защищена первая в России диссертация о Щепкиной-Куперник в плане переводчика, потому что мне важно

показать, что женщины, особенно в Серебряном веке, но и в зарубежье – оказывались проводниками вообще культуры. Потому что, надо сказать, что всю ж иностранную литературу в Серебряном веке мы имеем в изложении, в переводах женщин. Потому что женщины в основном были переводчицами. Потому что, конечно, оплачивалось не очень хорошо. Им надо было работать. Мужчины все-таки могли еще везде-везде-везде еще что-то. И, соответственно, мы имеем там... Мопассана мы имеем в русском женском переводе. Ну и многих других. У меня есть сейчас – чем я очень горжусь – сейчас будем делать книгу, а я восстанавливаю не просто имена тех женщин, которые как бы существуют в таком приемлемом дискурсе пристойно. Я занимаюсь даже женщинами, которые максимально раздвигали эти рамки – эти рамки были у нас, в русской литературе, очень жесткими... В плане допустимости каких-то тем вообще в русской литературе, а не только в женской огласовке. Это, например, Нагродская. Евдокия Нагродская. Я ее в 1995 г. издала ее роман знаменитый «Гнев Диониса». Это роман скандальный, он до революции издан был 10 раз, потому что о чем он говорил? Он говорил об идеях Вейнингера, о том, что в женщине есть мужское и в мужском есть женское, он говорил о проблемах гомосексуализма. Впрямую о том, что это не должно быть дискредитировано и т.д. Ну, не так просто, имея в виду, что она не феминистка. Она, наоборот, показывает, как опасны крайности феминизма. Как опасна внешняя какая-то атрибутика феминизма: надеть брюки, надеть брюки, произносить лозунги – что это отнюдь не есть продвижение на том пути, к которому должны стремиться женщины. И сейчас у меня китайка защитила диссертацию по Нагродской. Это вообще, я считаю, такой прорыв, что я впервые вывела это имя из литературы, которая называется беллетристикой, массовой, средней, неприличной, просто порнографическим элементом, – я показала, что это, ну, честно говоря – много я там показала сама. Китайка все это воспринимала удачно и с радостью, ей это было интересно. Но ввела это в сферу допустимого исследования.

Н.Л.: А можно надеяться, что таким образом наши идеи, вот в том числе Ваши идеи, связанные с восприятием русской женской литературы, попадут в Китай, и в Китае будут восприняты так, как мы хотим, чтобы они были? Или там все-таки очень сложно продвигать такую тематику, связанную опять-таки с женским голосом в литературе и прочее? Или же есть надежда, что там это тоже удастся?

М.В.: Наталья Львовна, Вы знаете что? Мне кажется, что молодое поколение китайцев, оно стало другим и т.д. Сейчас...

Н.Л.: Более интернационализировано?

М.В.: Ну, да. Вы знаете, вот женщины китайские, они очень активно воспринимают, надо сказать, более активно, чем...

Н.Л.: Наши.

М.В.: Наши. Потому что я вижу среди моих учениц некоторую усталость от этой борьбы, которая все-таки не увенчалась успехом, Вы знаете. Могу Вам сказать это

совершенно точно, что все те – но не все, конечно, это преувеличение, не все... – но все те надежды, которые были у нас в девяностые годы на развитие и феминизма, и включение женщины, и ее адаптацию к тем условиям и адаптацию не с какими-то искажениями, а включенность полную – они все-таки не осуществились. И сегодня они устали от этого, и они не хотят. Вы знаете, вот большинство моих девочек, они, как это ни странно, не хотят социализироваться почти.

Н.Л.: Но берут они вот эти темы?

М.В.: Они берут. Да, берут. Но они берут в достаточной степени отстраненно от собственной биографии. Вот, например, для меня моя работа с женскими текстами была очень важна в плане моего созревания. Я Вам сказала: огромное значение... вот эта семейная ситуация сыграла огромную роль. Но для меня работа вот в этом направлении, в плане того, что я могу восстановить некую справедливость – это какая-то главная задача моей, может быть, жизни – восстановить справедливость по отношению к этим не просто забытым, а изгойным персонажам, – вы знаете, она меня очень поддерживает. И, может быть, это – единственное, что делает мою жизнь осмысленной, потому что сегодня, к сожалению, преподавание уже не дает никаких шансов на то, что ты востребован и нужен, а вот эта область мне как бы подсказывает и говорит, что не пропадет мой скорбный труд. И я здесь, вот в этой области, ни разу не раскаялась. Я во многих других раскаялась, разочаровалась, перестала быть вдохновленной – а здесь я еще горю. Вы знаете, я берусь бесконечно за какие-то проекты, берусь за издание книг, что для меня очень важно. Потому что я все равно верю, что письменный, вот этот печатный вариант, он останется, хотя бы в одном экземпляре, он будет востребован. Пробивать это невероятно трудно, но я пробиваю вот последние мои издания. То есть, я практически пробиваю очень много.

Н.Л.: А что это меняет в современных женщинах? Читают ли они наши эти книги?

М.В.: Вы знаете? А что... А я не для женщин это делаю, я это делаю для мужчин. Я Вам могу сказать: когда я задумала такой проект – «Женская драматургия Серебряного века», надо мной просто все литературоведы смеялись. Мне говорили: «Ты хочешь писать о женской драматургии? Ее же нет. Где ты видела женщин-драматургов в Серебряном веке?». И никто мне из крупных литературоведов не мог назвать ни одного имени – ну, кто-то вспоминал Гиппиус. И все. У нее пьесы были. Да. А когда я предложила, я сделала этот том, а я могу...

Н.Л.: А вот эта [неслышно]?

М.В.: Конечно. Это Вербицкая. Это не пьеса. А пьесы есть у Анны Мар, есть у Мирэ, есть у Тэффи, есть у Щепкиной-Куперник. Вот этот мой том... Когда люди видят, мужчины-литературоведы сразу, знаете вот такое, ретируются как-то, им становится как-то стыдно, что они не знают целой области.

Понимаете, поэтому это важно оказалось очень. Когда ты пробиваешь какие-то бреши, все равно в эти бреши начинает просачиваться что-то. Понимаете, область не сейчас в этих мозгах... Мне сейчас важнее даже мужские, может быть, мозги, потому что у нас все-таки мужчины совсем какие-то ретроградные, какие-то очень странные, вялые, нацеленные на что-то другое. И Вы знаете, они как-то до сих пор относятся к женщинам-ученым с некоторым таким вот, ну, снисхождением, типа «ну вот, ну бывает». Знаете, как там в анекдоте, ну, когда мальчик приходит к маме и говорит: «Мам, мне все говорят, что у меня квадратная голова». «Ну, что же, Сереженька, какая же у тебя квадратная голова?» Вот они приблизительно так: «ну, ну, ну, вот женщины, ну, ну, ну, бывает, ну, бывают талантливые, ну конечно, они пробиваются...». Но я говорю... Значит, для меня сыграло огромную роль, что я сама в этом и формировалась, и формируюсь до сих пор. Я могу сказать, что как раз в этой области у меня какое-то безостановочное, может быть, внутреннее развитие и движение. Потому что, как это ни странно, общение с женскими текстами открывает для тебя просто море представлений, разнообразных каких-то мнений, дает тебе возможность обсудить судьбы, вдуматься, вчувствоваться. Вот та моя эмоциональность, с которой я пришла в филологию, здесь она находит какое-то подтверждение. Я, конечно, сейчас очень много занимаюсь документальной литературой, вот женскими воспоминаниями. Недаром я публиковать стала воспоминания моей бабушки, потому что, Вы знаете, как раз фиксация именно женской памяти, каких-то явлений – это ни в какой степени несопоставимо с тем, что фиксирует мужская память. Женский опыт, он какой-то совсем другой, и это не значит, что это какая-то мелочная наблюдательность, это действительно более чувственное вот впечатление от мира, это более осязаемое. Мне очень интересно – у меня папины воспоминания есть, он тоже вспоминает, каким он был мальчиком... И вот, сопоставление воспоминаний девочки и воспоминаний мальчика – абсолютно! Мальчик себя моделирует. Мальчик себя все равно каким-то видит, он все равно себя как бы видит спасателем там, разбойником, ну, неважно, кем – он нереально себя воспринимает. А девочка воспринимает себя в этой жизни. Она все время слышит, чувствует, обоняет, видит и прочее. И вот мне кажется, что это очень важно. Причем воспоминания могут быть не великих людей, а как раз обычных людей. То есть, это малая история, которая, по-моему, безумно богата и здесь тоже дает какое-то широкое поле деятельности.

Н.Л.: Способствует это образование современному... вот для девочек? Может быть, они... Это как-то расширяет их умение понять какие-то процессы, самих себя лучше осознать? Зачем нам необходимы подобного рода исследования, в более широком контексте, не только для науки как науки, и не только для литературоведения, но и для... ну, просто для тех, кто ведет за нами, поколению за нами?

М.В.: Ну, я довольно, как Вы понимаете, преподавая до сих пор, я много общаюсь с молодежью, молодыми вот женщинами. Вы знаете, может быть, это какая-то очень неустроенная такая русская жизнь современная. Они – даже увлекаясь какими-то вещами – они потом все равно какой-то делают крен, выбирая во

многим, условно говоря, семейное какое-то счастье и благополучие. Все, вот честное слово...

Н.Л.: Не слишком увлечены они наукой?

М.В.: Да, и вообще даже социализацией, как это ни странно. Сегодня вопрос стоит совсем вообще, мне кажется, по-другому. Вопрос действительно там карьерного роста, заработка, денег, потому что вот... я просто вспоминаю себя, и у меня, конечно – и я думаю, что таких как я было все-таки много, я не уникальна – мне очень хотелось именно самосовершенствоваться. Мне хотелось овладеть! Мне хотелось научиться писать! Мне хотелось быть критиком, я еще очень люблю просто быть критиком там. Я пишу о кино, пишу о театре, пишу о книгах. Конечно, мне хотелось овладевать... конечно, при этом хотелось зарабатывать денег, тогда, в советское время, за рецензию на кино платили 18 рублей, и это было очень хорошо. Сегодня тебе не платят или платят такие копейки, что... Ну вот, рецензия в толстом журнале стоит 700 рублей. Это вообще просто смешно. Ты пишешь ее неделю, если ты хочешь хорошую рецензию, читаешь книжку и т.д.

Девочки все-таки нацелены на то, что они будут, конечно, зарабатывать, что-то делать, но я не вижу в них желания вот внутренне как-то настроиться на какой-то более высокий, что ли, ранг размышлений. Это умные девочки, хорошие, достойные. У меня вот недавно была моя ученица, написавшая замечательную диссертацию о падшей женщине. О борделях, о проститутках в Серебряном веке. Замечательная просто работа. Вот она сейчас занимается тем, что она просто редактирует какие-то тексты, увлечена. Она вышла замуж, и это замечательно, увлечена готовкой... Всё! Я ничего не хочу сказать, она готовит так восхитительно, она знает испанский, но я – может быть, это усталость от написания диссертации. Тоже какой-то момент, бывает.

Н.Л.: Я думаю, что это – исторический контекст.

М.В.: Я думаю, это исторический контекст. Потому что не только она, а еще другая девочка; они все - они очень счастливы; на филфаке выйти замуж очень трудно. Это проблема. Вообще выйти замуж очень трудно, это безусловно. Но они как-то очень закукливаются вот в этом. Может быть, это – какой-то этап. Вот к сорока годам они воспитают своего первого ребенка, и они вернутся, может быть, и в профессию, и в них отзовутся те феминистские идеи, которые, конечно, я в них закладывала, внедряла, рассказывала и прочее. Они чутко это воспринимали. Но...

Н.Л.: Может быть, проблема в том, что теперь нет того феминистского цивизма, который был в 90 годы?

М.В.: Безусловно. Я как раз начала об этом говорить, что я была подхвачена этой волной. Эта волна меня подхватила, потому что у меня была готовность плыть в этом течении, для меня вообще девяностые годы – это совершенно особые, я единственно могу сказать, что в моей судьбе было удачное –это были девяностые годы. По всем параметрам.

Я была счастлива, потому что я понимала, что я могу говорить правду, что я могу писать то, что я хочу, я могу участвовать там, где я хочу, и для меня все эти демократические устремления оказались очень плодотворными. И я, конечно, тогда начала очень много писать, разного и т.д. Я тогда смогла сказать, например, свежее слово о марксизме. Не скатываясь в левизну, не скатываясь в консерватизм. У меня до сих пор работа, которая – единственная за 30 лет работа объективная по марксистской критике. Но это же все спало и ушло. Это вот, понимаете, в принципе сегодня женщине ведь некуда деться. Вот если так серьезно говорить, тогда были вот эти клубы. Понимаете? А сегодня превратились в эти женские какие-то посиделки. Они тоже есть, там замечательное вязание, там замечательные шляпки, там все это хорошо, или это очень энергичные дамы, которые под это дело тоже создают некие бренды, тренды, которые дают им возможность куда-то там выехать с этой группой, организовать что-то...

Н.Л.: А Вы в начале двухтысячных были еще связаны с какими-то женскими организациями, школами? И как с этим сейчас?

М.В.: Я была, в гендерные школы я ездила. Да, да, в Форос я ездила и читала там лекции.

Н.Л.: А с тех пор, как они закончились, потому что это в начале 2000 годов... и как-то вся активность стала сходить на нет, закрываться центры, когда появились вот эти опасности объявления иностранными агентами и прочее... Отсюда встает вопрос: заметен ли хоть какой-то сейчас женский активизм? Что Вы можете выделить из... как проявление какого-то женского голоса и слова? Может быть, необязательно в форме публикации, может быть, какие-то акции или еще что-то, что Вам вспоминается и кажется важным здесь именно с точки зрения – в позитивном смысле – с точки зрения истории нашего русского варианта феминизма?

М.В.: Конечно, здесь надо говорить о людях, которые публикуются в Фейсбуке. Там, конечно, женщины, которые, может, чуточку моложе меня, которых я знаю и которые в моих друзьях... Они очень тщательно отслеживают, например, все дискриминационные моменты, которые возникают в речах наших ...

Н.Л.: Политиков.

М.В.: Политиков. А они возникают теперь постоянно. Понимаете, практически не проходит ни одного какого-то публичного выступления, где женщина не оказалась бы униженной. Причем они даже этого уже не понимают, что они говорят. Вот я просто вспоминаю ситуацию с Берлускони, когда у него была любовница и многие, многие сказали: о, как здорово, у него же любовница, можно только позавидовать. Хотя это было позорное явление в плане политика, которая там и т.д. И эти комментарии отслеживаются женщинами и т.д.

Больше, честно говоря, я ничего зафиксировать не могу. Потому что я думаю, что...

Конечно, есть просто женская дружба, которая вот мои, например, аспирантки, они очень тесно общаются, я всегда очень любила их как-то соединять, чтобы они поддерживали друг друга.

Н.Л.: А солидарность женская существует? Желание взаимоподдержки именно потому, что женщины страдали от дискриминации и прочее?

М.В.: Наталья Львовна, Вы знаете, мне кажется, что исчезло уже представление о том, что женщины страдали. Вы не заметили? Что сейчас вы не можете рассказать, что женщину – по сути дела, о России будем говорить – там проблема паспорта - она не могла это – проблема развода, она не могла без разрешения мужа уехать там, например, в другой город и т.д. А сейчас все сведено на нет. В принципе у нас теперь ведь такая гладкая история, у нас теперь такое гладкое или приглаженное прошлое, а, самое главное, та политика, которая сегодня на таком широком, в общем масштабном проявлении... Это что женщине было хорошо... Ну, конечно, муж бил жену в деревне... Да были, конечно, ужасы, но в целом-то, у нее было хозяйство, она была хозяйкой. У нее был ухват, у нее была печь... Да, свекровь ее гнула, но, когда она становилась свекровью, она уже начинала невесток понукать. Понимаете, очень искаженное стало представление о прошлом. Поэтому о каком-то страдании вы сегодня можете кому рассказать? У всех ощущение, что (наоборот) страдает женщина сейчас! Ее, бедную, заставляют работать, она должна, бедняга.

Действительно, она сейчас вынуждена ради денег, понимаете, еще в советское время моя мама работала не ради денег, а ради Идеи. Потому что советская женщина – кстати, это совершенно все-таки особая статья была. Это, надо сказать, ментальность советского человека все-таки сумели воспитать. Это женщины, которые... Это были счастливые женщины. Моя мама была счастливой женщиной, несмотря на свою неудавшуюся во многом женскую судьбу. Она переключилась, она переставала думать о муже, перестала думать о детях – она стала деятелем такого вот общественного, и это дало ей счастье. Потому что, знаете, и дети ведь не всегда дают счастье, это известно. Больше иногда огорчений даже. Вот.

А сегодня женщина идет работать, потому что она не столько хочет вот реализоваться, нет. Ну, конечно, есть варианты, но все-таки... И поэтому о страдании вы не можете говорить. Поэтому и я упростила даже свои спецкурсы, и как раз рассказываю о страдании. Потому что я теперь беру гендерные аспекты в мужских текстах, я занимаюсь мужчинами-мизогинистами, у меня есть такие вот, которые прямо ненавидят женщин и которые в своих текстах проводят эту такую. Есть Марк Криницкий, я даже издала его книгу «Женщина в лиловом», который просто ненавидит ... И у него есть один герой такой, Иван Дурнев, что, ну, Иван-дурак, которого все женщины обманывают. Его обманывает жена, его обманывает любовница, даже он идет в бордель – и там даже девки обманывают. Ну, то есть бедняга, прямо ужасно, вообще, мужчине очень плохо.

Это в начале века. Понятно, что мужчины начали видеть, что женщина проявляется. Это были опасения, в текстах стал обнаруживаться страх.

Н.Л.: Мужской страх?

М.В.: Мужской страх. Мужской страх. Это так интересно показать. Но я все равно не могу показать до конца, что женщина оставалась в униженном положении. Как она ни пробивалась, как она ни пыталась войти в политику – все равно это так долго. Меня, конечно, интересует советская женская литература. Но уже руки не доходят...

Н.Л.: Что-то же изменились образы в советской женской литературе? Появились такие, как Настя Каменская, которые что-то делают профессионально, а за них мужья там выполняют домашнюю работу.

М.В.: Ну, Вы знаете, даже в этом вопросе существует некий подвох. Вы фиксируете внимание на том, что вообще в принципе должно не замечаться. Какая разница, кто сегодня приготовил ужин? У тебя есть время – приготовила ты. Встретила своего Ваню с радостью. Ты задержалась на работе – Ваня чего-то сделал. Но, понимаете, это делается не потому что... а у нее это... вынужденно. Она педалирует, она педалирует, что Настя не красится – но я имею в виду Маринину – что Настя не красится, что у нее муж такой удачный, что он может что-то готовить это, а будь у нее неудачный муж – у нее, наверное, все разладилось бы. Если бы он говорил, что он хочет. Понимаете, даже вот в этой фиксации какие-то вещи, которые, понимаете, мне кажется, что мы должны были уже дойти до того состояния, при котором на что-то не надо обращать внимания. Это не должно быть первостепенным. Это должно быть впитано тобой. И ваш вот этот диалог, мужской-женский, он должен строиться на более сложных, может быть, именно психологических каких-то моментах, а не на уровне житейско-бытовом. Потому что это очень важно. Готовить я сама очень люблю готовить, я обожаю просто готовить, но это не может заменять мне все остальное. Понимаете, это не может быть главным.

А сегодня мне все-таки кажется, что женщина опять уходит в свое вот прежнее бытовое состояние, то есть мы, условно говоря, потеряли все, что было наработано в советское время. А в советское время, я считаю, было в плане женском...

Н.Л.: Были большие приобретения.

М.В.: Были огромные приобретения, даже по сравнению с Западом. Запад, конечно, в этом плане не достигал тех высот, которые были у нас. Потому что вот мы...

Н.Л.: У меня тогда возникает такой вопрос: знакомы ли Вам, хотя бы по названию, организации, которые объединяют женщин-ученых в Вашем научном учреждении, в Вашем образовательном? Есть «Женщины МГУ», есть «Женщины с университетским образованием», есть «Женщины в науке и образовании», - это НКО, некоммерческие организации, которые объединяют женщин-ученых и преподавателей. Нужны ли они, нет ли, могут ли они в чем-то продвинуть наши такие образовательные интенции, или

только то, что мы даем на лекциях? Вот здесь возникает вопрос: нужна ли такая активность и такой женский активизм и насколько мы с ним можем...?

М.В.: Ну, мне кажется, что если бы они были активны, я бы... Я про них знаю. Я даже была на одном докладе, который делали женщины вот, но у нас же какие-то отчетные заседания есть, а я в Ученом совете. Тоже был какой-то доклад. Но, понимаете, мне кажется, что все это идет (сейчас, по крайней мере) на очень формальном уровне. Сейчас это «Женщины МГУ» ограничиваются тем, что на каких-то праздниках они устраивают ярмарки, на которых что-то продают в пользу малоимущих и что-то и то-то. То есть это «теория малых дел», которая была в 1890-е, над которой мы всегда все смеялись. Тогда она, может быть, и была нужна, потому что в этой неграмотной стране, эти мелкие дела, может быть, были нужны и т.д. ... Но сегодня они, организации ограничиваются этим. Понимаете, никогда в жизни ни одного звонка мне не поступило из этих организаций, чтобы я, например, прочитала лекцию про писательниц. Мне кажется, что, понимаете, мне кажется, все-таки литературоведение – это наиболее такая общепринятая, вы понимаете, можно очень интересно рассказать, пересказывая сюжеты на любой уровень, и может прийти любая слушательница, и ей будет интересно послушать про то, о чем писали. Никогда. Никогда никто не вышел. А у нас были в одно время вот это даже люди, которые занимались гендерными проблемами. Все как-то растворилось, сошло на нет.

Н.Л.: А контакты с зарубежными организациями или отдельными специалистами, которые занимаются женской литературой, нашей женской литературой, они сохранились?

М.В.: Ну, все-таки сохранились частично с Финляндией, в которой такая сильная была гендеристика, там была Савкина Ирина, которая до сих пор... Да, да. Ну, то есть, такие контакты на личном скорее уровне... Но исчезли все вот эти проекты, которые именно связаны были с общеженским интересом к широкому какому-то аспекту проблематики в социологии, в истории, в политике, в литературе и прочее. Но до меня не доходят.

Н.Л.: Изменилось ли Ваше представление о феминизме с тех времен, когда Вы впервые стали заниматься женской темой, «женским голосом в литературе», в начале восьмидесятых? Вот через 20-25 лет так же воспринимаются задачи феминистские? Вообще что такое феминизм для Вас? Вот этот вопрос, наверное, важен с точки зрения того, оправданы ли те страхи, которые существуют, в том числе и у девочек молодых, которые приходят к нам учиться, которые на вопрос: «Вы феминист», говорит: «Нет, я не феминистка. Я готова заниматься женской темой или женской литературой, но я далека от феминизма». От чего это рождается, то есть, вот есть два вопроса. С одной стороны что для Вас феминизм, а с другой как избежать вот этого страха молодого поколения, которое идет за нами, перед тематикой, которую мы берем?

М.В.: Я думаю, что, может быть, когда разговор шел в девяностые годы, мы, может быть, чуточку перегнули палку. Поскольку нам так было важно, – вот этот выход

на волю! Мы забыли, что все-таки для большинства женщин огромную роль играет тыл, играет дом, играет муж, играют дети, играет вышивка, играет все. Мы как-то взяли, что, типа, нужно, не нужно, но – не важно в общем, ну, сложится, сложится... И вот это дыхание свободы, мы делали упор на нем.... Сегодня я понимаю, что 'преподнесение' феминизма, наверное, должно быть просто более тонким, с учетом – я не хочу сказать «женской природы». Она, надо сказать, очень разная. Понятие женской природы, по-моему, вообще совершенно такое очень условное. Потому что я знаю четко женщин, которые просто не хотят иметь детей. Есть женщины, которые не хотят замуж. Сейчас огромное количество женщин при всем, при том как-то дорожат своей свободой и своим эгоизмом... Вы знаете, появилось огромное количество этих женщин – просто эгоисты – которые не хотят, чтобы вообще некто мешал. Они хотят жить так, как они... Вы знаете, это тоже какая-то краска феминизма, которую мы, может быть, не учитывали, что мы возвращаем, пропагандируя феминизм и вот эту волю. Вот такие эгоистические желания и потребности, которые вообще и в человечестве очень сильны... Их наоборот надо немножко как-то приглушать, говоря о том, что все-таки у нас диалог с другими. Мы в некотором коллективе, нам надо все-таки взаимопомощи и т.д. Мне кажется, что сегодня преподнесение феминизма должно быть с учетом вот этих привходящих моментов и с учетом вот тех опасностей, которые кроются в радикальных формах.

При всем при том, что я очень спокойно отношусь к ЛГБТ-сообществам и все это, мне кажется, что исключительно пропагандирование каких-то элементов – тоже чревато, понимаете. Потому что молодые юноши, девушки, они очень чувствительны к слуховым реалиям. Они много слышат, им многого как-то хочется, и они начинают набредать на что-то... Что если бы у них в ушах не звучало, то, может быть, они на это бы и не набрали. Потому что я, например, знаю, в моем окружении теперь очень много лесбиянок, например, которые я, например, не уверена...

Н.Л.: И раньше так же было, и в шестидесятые, и в семидесятые годы? Мне кажется, что тогда...

М.В.: Они были более скрытые, конечно. Но их, конечно, было меньше. Потому что во-первых они скрывали. Я могу сказать, что я там встречалась, но сейчас, когда это стало все-таки таким допустимым – и, я не хочу сказать ни в коем случае, зазорным – это абсолютно, только чтоб меня в этом плане правильно поняли. Я считаю, что вообще вот эта интимная жизнь – я же не афиширую, какого типа мужчины мне нравятся. Понимаете, я же не всем рассказываю, что мне нравятся брюнеты испанского типа и т.д. Потому что это же не всех интересует, и это не главная моя черта, что мне нравятся брюнеты, правда? А вот сегодня, особенно в молодом сообществе, в этом есть какой-то шарм: «вот, я дружу с девочкой»...

Н.Л.: Демонстрационность?

М.В.: Да, да. Вот это мне кажется опасным, и это было тоже крайность феминизма, который истолковали таким образом. Что часть феминизма как бы стала пониматься, что действительно мужчины... ну, мужчины вообще-то не очень

нужны. Это действительно так. Но все-таки они нужны, и они есть, и мы с ними должны считаться. Понимаете? А их как-то в этом крайностном...

Поэтому я сегодня... Я феминистка, безусловно. Я не терплю никакой дискриминации. Для меня это – самое болезненное. Вот все эти высказывания, которые я слышу, меня оскорбляют безумно. Унижение в плане на работе, когда... Ну, посмотрите на Академию наук, Наталья Львовна... Ну, Вы посмотрите на Академию наук! Это же сообщество мужчин. Там сколько 5% среди них женщин сегодня, да?

Н.Л.: Меньше.

М.В.: Три процента...

Н.Л.: Еще меньше. 1,8 %.

М.В.: Нормально ли это? Может ли так быть? Притом, что в науке женщин реально больше. И они очень продуктивны, и они очень ответственные. В отличие часто от всех директоров... Вот то, что у нас – у нас одна декан-женщина.

Н.Л.: Естественно.

М.В.: Во всем университете, а у нас сейчас 48 факультетов. Одна. И это уже 30 лет. Она просто не отдает своего места, ей 80 лет, а она не отдает. Это ее вот такое качество. Нормально ли это? Возможно ли это?

Так что... понимаете, я сохраняю в себе это... Просто я думаю, что мы должны преподносить это с учетом той тяги к другим ценностям, которые у женщин по-прежнему сохраняются. Мы не должны их нивелировать, не принимать во внимание, мы должны найти сбалансированность. Вот это мне кажется очень важным.

Н.Л.: Спасибо большое за сегодняшний разговор и мы надеемся, что еще встретимся.

М.В.: И вам спасибо.